

КУЛЬТУРНАЯ ОСНАТКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ: ПОТРЕБНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Александр Иванович Бойко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, bai-53@mail.ru

Аннотация. Одной из главных особенностей уголовного права давно признана его, повышенная по сравнению с другими отраслями юриспруденции, принудительная сила, что вызывает необходимость в постепенном ограничении данного свойства до социально-терпимого уровня. В статье приведены доводы в пользу квалифицированного изучения культурных основ уголовной ответственности и выделены два основных направления духовной санации наших знаний и практик их применения – какие продукты созидательного творчества этноса следует охранять именно уголовно-правовыми мерами и каким культурным требованиям этноса должно отвечать само уголовное право.

Ключевые слова: авангардизм, духовность, кастовость уголовной ответственности, классика, культура, памятники истории и культуры, реформы, санация, творчество, технологии противодействия преступности, уголовное право, ценности, цивилизация, юридический менталитет, язык закона

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 Теология «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

Для цитирования: Бойко А. И. Культурная оснастка уголовно-правовой доктрины: потребность и основные параметры // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 135–142. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-135-142>

Problems of Criminal law

Original article

CULTURAL EQUIPMENT OF THE CRIMINAL LAW DOCTRINE: THE NEED AND THE MAIN PARAMETERS

Alexander I. Boiko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, bai-53@mail.ru

Abstract. One of the main features of criminal law has long been recognized as its increased coercive force in comparison with other branches of jurisprudence, which makes it necessary to gradually limit this property to a socially tolerant level. The article presents arguments in favor of a qualified study of the cultural foundations of criminal responsibility and highlights two main directions of spiritual rehabilitation of our knowledge and practices of their application – which products of creative creativity of an ethnic group should be protected by criminal legal measures and which cultural requirements of an ethnic group should meet the criminal law itself.

Keywords: avant-gardism, spirituality, caste of criminal responsibility, classics, culture, historical and cultural monuments, reforms, rehabilitation, creativity, crime prevention technologies, criminal law, values, civilization, legal mentality, the language of the law

Financial Support: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project № 21-011-44228 Theology "Law and legal consciousness in the theological dimension: history and modernity".

For citation: Boiko A. I. Cultural equipment of the criminal law doctrine: the need and the main parameters. *North-Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):135–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-135-142>

Перестал читать газеты. Даже во рту такое же приятное ощущение, когда перестал курить.
Л. Н. Толстой

Не видать в вас никакой цивилизации, кроме невежества (М. Е. Салтыков-Щедрин). В период любых реформ с неизбежностью разрушаются стереотипы прежней жизни и пересматривается реестр прежних объектов поклонения, даже тех, что долгие годы почитались культурным наследием. Копившийся десятилетиями праведный гнев обывателей на различные несправедливости конусируется национальными коноводами общественного мнения и заезжими учителями из различных «открытых обществ» в протестные движения, выдвигающие несусветные идеи и требования, в том числе для сферы борьбы с преступностью и культуры.

Сегодня лавочник с напузником и офисный планктон олицетворяют вкусы России. В угоду их «культурным» потребностям и ожиданиям, заказам рекламодателей и рыночному укладу хозяйствования на сцене общественной жизни десятилетиями царствовала попса. Это под её диктовку гитара из щипкового инструмента превратилась в ударный, песенный репертуар заполнили ремейки, на подмостках многочисленных сцен юродивые хохмачи тачали юмор, заполненный словами «секс» и «задница», для гламурных паразитов эстрады, покинувших Отчизну не по принуждению и не на «философском пароходе», а в бизнес-классах чартерных рейсов, на федеральных телеканалах устраивались разнообразные капустники, а самое эфирное время отдавалось иезуитским разбирательствам человеческих пакостей исключительно в русских семьях. Наверняка должно пройти много времени, пока лучшие представители общественной мысли и совести с горечью констатируют: их предшественники-реформаторы хотели «как лучше», однако оказалось, что мы: «не меняем своих убеждений», а «только заблуждения»; «перестраивая мир, приводим его в соответствие с путаницей наших мыслей»; задействовали «вместо здравого смысла задний ум» и стратегию «поживём, увидим»; вместо «нового государства... построили только личные дачи»; будучи «идеолухами», в собственном «монастыре стали жить по чужому уставу»; отчего позже «начали хвастать тем, что нам нечем похвастаться» [1, с. 11, 16, 21, 25, 28, 29, 36].

В итоге на горизонте поднимаются закономерные вопросы: а нужно ли защищать в уголовно-правовом порядке сегодняшнюю, такую как она есть, «культуру»? или это не культура? и способно ли уголовное право к охране духовных раритетов нации, является ли оно само василиском благонравия? примет ли пациент уголовную ответственность за подходящее лечебное средство без побочных эффектов? достойна ли наша отрасль титула «культурный феномен» хотя бы в ограниченной степени? Допуская очевидное негодование избранных, используем для ответа суконный вариант современной социологии – скорее «да», чем «нет». И вот почему.

Во-первых, уголовное право прежде всего и более всего нуждается в постоянном и постепенном очеловечивании своей мыслительной базы и правоприменительной практики, поскольку оно «наиболее обострённо и драматично олицетворяет юридическую культуру страны и народа» [2, с. 150], ведь «из всех видов права именно уголовное право обладает способностью самым непосредственным и грубым образом задевать отдельную личность» [3, с. 17].

Во-вторых, несмотря на то обстоятельство, что наша государственно-правовая история рисуется на Западе преимущественно в чёрных тонах, карательная практика России (за исключением трагических 30–50-х годов ушедшего века) даёт не так уж много оснований для иностранных погрёков.

Юридический менталитет наших народов сформировался без религиозных исступлений Европы и варварских наклонностей рабовладения. Наиболее известный законодательный памятник русичей – Правда Роська – не содержит упоминания о смертной казни. В Поимённом списке приговорённых к смертной казни в период с 1826 по 1906 гг. значатся фамилии 612 человек или менее 8 осужденных к данной мере в год, причём из них реально казнены 114 несчастных [4, с. 71–96]. А какие это были годы: декабризм и польское восстание 1830 года, крестьянские волнения после освобождения от крепостной зависимости в 1861 году, холерные бунты, террористические акты петрашевцев и народовольцев, революционные выступления пролетариата начала XX века. На этой основе отечественные и зарубежные исследователи уголовного-правовой истории России вынуждены признать, что наша страна первенства в жестокости не имеет, что ни один национальный памятник права эпохи феодализма не может сравниться в этой части с Каролиной, что в нашей стране здравствующий воин и налогоплательщик значили больше, чем казнённый преступник, что в Отечестве не было своего судьи фон Карпцова, пославшего на смерть 20 тысяч германцев, что значительная часть приговорённых к исключительной мере наказания получала право на жизнь благодаря православной вере – обряду печалования или священнического увещания, что русская карательная доктрина исключает «прямолинейное искоренение преступности террористическими методами» [5, с. 261]. Имеем мы право на обстоятельный разговор о культурных основах уголовного права и должны делать это!

Всё вроде бы говорит в пользу полезности обследования культурных основ уголовного права и пригодности вырабатываемых на основе профессионального разговора предложений науке, законодателю и практикам. Ан, нет, сомнения имеются. Как организатор «Круглого стола» приведу отрывки двух откликов на моё приглашение к обсуждению темы от коллег из России, которых разделяют целых 8 тысяч километров: а) «к сожалению, сейчас, во времена господства шариковых в науке и практике, разговоры о культуре полагаю запоздалыми»; б) «очень интересная тема, хотя, уверен, с грустным концом будет обсуждение». Используем эти цитаты для подзарядки и азартного натиска на проблему.

Who is culture? В философских, культурологических и толковых словарях любой интересующийся данным термином человек обнаружит, что культура есть «совокупность достижений человечества в производственной, общественной и духовной жизни», «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности», «процесс развития человеческого в человеке», «то, чего нельзя сотворить в обычной деятельности, но что создаётся поколениями в ходе исторического процесса», «что создано самим человеком в отличие от созданного природой». По Шпенглеру культура ассоциируется с продукцией целых эпох и представляет собой целостное единство форм мышления и творчества, проявление не постигаемой рациональным разумом души народа. Обобщая приведённые мысли, определим культуру как **совокупность творческих достижений человечества в различных (любых) областях общественной практики**. Наиболее яркие её образцы признаются социумом в качестве культурного наследия и охраняются государством в особом режиме.

В теоретических работах и модных сегодня блогерских постах принято сравнивать (противопоставлять) культуру с цивилизацией, причём последнему понятию оракулы современности отдают предпочтение «за явным превосходством». В запевалах «просвещённый» Запад, устами Р. Рейгана объявивший Советский Союз «империей зла», которому якобы нет места в цивилизованном мире, и отечественные либеральные подпевалы, привычно и не бескорыстно чернящие не только политический режим и лидеров страны, но весь народ. Однако ссылки на русское бескультурье (за исключением бытовой грязи и неустроенности) не проходят, поскольку планета упивается нашими достижениями в области литературы, театра, живописи, музыки, балета, спорта, этнических традиций и обрядов. Понадобился другой оселок, и он явился в категории «цивилизация», которая олицетворяет высокую степень технологического развития лишь небольшого числа государств, обеспечивающего их потребительское благополучие и превосходство над другими странами за счёт колониальной практики, присвоения природных ресурсов и эксплуатации других народов.

Справедлива мысль о том, будто цивилизацию можно понимать как «определённый способ адаптации человека к окружающей среде, но вот о развитии той или иной цивилизации судят именно по памятникам культуры. России претит сытое самодовольство, а наша неустроенность – это плата

за нежелание духа раствориться в материальном комфорте, мы не готовы покупать его за счёт уступок нравственности. Лидирующие в технологическом отношении нации пока кичатся своими успехами, но что останется от цивилизации, которая ничего не представляет, кроме технических усовершенствований. Прогресс нации определяется её духовными устремлениями! Стремление же ко всё большему комфорту – самый короткий путь к войне»¹.

Но диалектика такова, что даже плотный культурный слой прошлых эпох не спасает население от материальных искушений. Первобытные условия жизни вкупе с дефицитом товаров первой необходимости порождают желание обывателей пребывать в *цивилизованной*, но не *культурной* стране, а саму культуру превращают в банальную услугу временным вкусам, отчего она деградирует. Вот доказательства индивидуально мыслящих эстетов: *Беляев В. Г.* – сегодня «содержание золота выше всего в медалях чемпионов породы на выставках собак, а ниже всего – в медалях выпускников школ»; «существует устойчивый спрос на дрянь»; ж) ныне налицо «контрнаступление всемирного мещанства»; «безголосые певцы поют, пьющие президенты пьют»; «никто не возражает против стандартизации штанов, но многих смущает стандартизация их носителей»; в) наша культура сегодня – «девица, которую вся рота хвалит» [2, с. 21, 37, 45, 86, 136, 221]; *Вяземский П. А.* – «в эпохи, следующие за грозами народными, в эпохи усталости, близкой к охлаждению, к беспечности, к дремоте нравственной» наступает «торжество малодушного и развратного века»; «прежний (до начала реформ середины XIX века – А. Б.) крик был: наслаждение! нынешний: польза!»; «всё идеальное забраковано, заклеяно печатью отвержения»; «вещественность победила духовность ... Ныне очарования нет. Времена чародеев минули»; а в итоге «мещане не одворянились, но дворяне омещанились» [6, с. 120, 397, 377, 304, 308, 437]; *Иванов Н. Г.* – «Сталкиваясь с постоянным глумлением над всем тем, что создавало человечество... в искусстве, ... я всё более и более впал в уныние... Стремление вырваться из апатичного состояния, вызванное издевательством над творениями человека... заставило... меня... обратиться к культурологическим основам той дисциплины, в которой я считаюсь, как мне кажется, недурным специалистом» [7, с. 3].

Что рота на взводы разделяется, в этом никто не сомневается (*К. Прутков*). По-крупному культурная оснастка работающего уголовного права представлена двумя срезами: что из творческих достижений граждан страны в производственной, общественной и духовной жизни следует охранять именно уголовно-правовыми средствами; как выполнять эту важную социальную задачу «максимально культурно» применительно к нашей отрасли. Представим наши взгляды по этим разделам.

I. Нельзя ни признать, что российские власти ведут целенаправленную работу по сохранению культурных достижений Отечества: принят специализированный закон ², создана и функционирует Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия, приняты на учёт и находятся под присмотром государства около 100 000 памятников истории и культуры, принимаются и реализуются Федеральные целевые программы соответствующего профиля, утверждён и обновляется Единый государственный реестр памятников истории и культуры...

Но есть два изъяна в уголовно-правовой защите культурного достояния. *Первое*. В действующем УК РФ имеются два профильных запрета, предусматривающие наказания за уничтожение или повреждение (ст. 243) либо за нарушение специальных правил обслуживания культурных объектов (ст. 243¹), включённых в Единый государственный реестр памятников истории и культуры. Ограничение уголовной ответственности посягательствами только на реестровые культурные артефакты справедливо, ибо карательные силы государства должны рассматриваться как последний довод или хирургический скальпель власти, направленный на охрану отобранных эволюцией шедевров прошлого, но не достижений нового времени, которые пока не признаны эстетической ценностью. Творческий ширпотреб или продукция современности заслуживают уголовно-правовой охраны в качестве объекта собственности, но не классической культуры. Отсюда размер ответственности за посягательства на объекты культуры должен быть **намного** выше, чем

¹*Цит.*: Николай Кофырин: Новая Русская Литература – <https://www.nikolaykofyrin.ru> (дата обращения – 29.04.23).

² Федеральный закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. – «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.07.2002. № 26. Ст. 2519.

за хищения, что не наблюдается при сравнении санкций «конкурирующих» статей 167 и 243 УК РФ – разница всего в один год лишения свободы означает уравнивание на весах отраслевого правосудия посягательств на бытовое имущество, с одной стороны, и на объекты культурного наследия, с другой.

Второе. Пристальное изучение Уголовного кодекса и его бланкетных основ показывает, что охранительные усилия государства направлены на защиту преимущественно артефактов культуры как объектов недвижимости. Но духовные шедевры (литературы, театрального искусства и т.д.) не менее важны для любого этноса, нежели древние усадьбы либо религиозные здания. Вызывающая трактовка классических произведений прошлого современными режиссёрами, певцами и декламаторами превратилась в моду, а в перспективе грозит стать нормой. Каждый «креативный творец» современности стремится показать себя реформатором, лихим покусителем на классику, но уклоняется от создания собственных шедевров. Великий К. С. Станиславский давно предостерег от подобных происков назиданием, что по нотам нужно играть и «Боже, царя храни», и «Интернационал». Отсюда выступаем с предложением ввести уголовную ответственность за публичную демонстрацию извращённых представлений (толкований, постановок) классических произведений.

II. Поле оценивания культурности самого уголовного права безбрежно: от законно ангажированных социальными переменах политико-правовых памфлетов [8] до скрупулёзного и тяжкого по исполнению анализа этнокультурных основ уголовно-правовых порядков [9], от философских постулатов (труды Ю. В. Голика, Ю. Е. Пермякова, Э. А. Позднякова, И. М.-о. Рагимова, А. Д. Чернова и И. И. Голубова) до уголовно-правовой защиты похоронных обрядов (исследование Р. Д. Шарапова и Р. А. Исмагилова), от воспитательной роли парламента (сочинение Л. Е. Владимирова) до рефлексов в сфере борьбы с преступностью (книга Г. И. Волкова), от биоэтики (монография и диссертация Н. Е. Крыловой) до эвтаназии (монография и диссертация О. С. Капинус), от суеверий (известный труд А. А. Левенстима) до права на смертную казнь (коллективная монография под ред. проф. А. В. Малько).

Для хотя бы приблизительной ориентации в границах и содержании культурной гидропоники нашей отрасли автор настоящей статьи подготовил к состоявшейся 19 мая на базе ЮРИУ РАНХиГС межвузовской дискуссии список базовой отечественной литературы из 84 источников, поручил студентам кафедрального кружка уголовного права подготовить для участников Круглого стола 6 презентаций о: 1) *виднейших представителях культуры России с юридическим образованием*; 2) *поговорках и пословицах уголовно-правового профиля*; 3) *суевериях и предрассудках в уголовном праве*; 4) *жаргоне и криминальной субкультуре*; 5) *поединках (дуэлях) как способе защиты чести*; 6) *перлах бескультурья в процессуальных документах по уголовным делам*, а также создал собственную программу исследования из 17 разделов, снабдив её данными о личных публикациях в количестве 151 статьи или монографии.

В ней выделены: а) *духовная основа «культурного» уголовного права* (14 публикаций, в том числе монографии о римском и современном, международном и российском уголовном праве, его нравственно-религиозных корнях); б) *память и уголовное право* (среди 4 публикаций выделяется небольшая пионерская книга с аналогичным названием 2005 года издания); в) *опасность возврата к кастовости уголовного преследования* (большая передовая статья в специализированном сборнике 1996 года издания, 4 материала докладов на различных конференциях и 2 статьи в журналах из списка ВАК Минобрнауки РФ); г) *диалектика классики и новаторства в сфере борьбы с преступностью* (9 публикаций различного уровня, последняя – в «Вестнике юридического факультета ЮФУ» за 2022 год; д) *язык и культура пользования им* (базовая монография «Язык уголовного закона и его понимание» в 2-х изданиях, статьи в журнале из списка ВАК и зарубежном журнале); е) *проблема ценностей в уголовном праве* (2 статьи, последняя в «Северо-Кавказском юридическом вестнике» за 2022 год); ж) *кара – насилие – принуждение* (4 статьи, содержащие обоснование культурного различия трёх вариантов реагирования на преступления); з) *уголовно-правовые ошибки и ответственность за них* (13 публикаций, первыми из которых стали 3 материала, размещённые в сборнике «Правоприменительные ошибки сотрудников таможенных органов» 2001 года, редактором которого был автор); и) *судьба преступника и потерпевшего* (9 публикаций, в том числе книга российского и зарубежного издания в соавторстве с учёными из Казахстана и Узбекистана); к) *культура трансляции уголовно-правовых знаний в вузах* (17 опубликованных

материалов, среди которых возвышаются новаторское пособие в 3-х изданиях под названием «Репетиториум по Общей части уголовного права» и две критические статьи в журнале из списка ВАК – «Реформа юридического образования (горестные размышления о критическом настоящем и критические – о планируемом горестном будущем)» и «Реквием классическим лекциям по юриспруденции»; л) *славянская ментальность и её защита* (6 статей, среди которых 2 отражают доклады на международных конференциях во Львове и Луганске и три – в Ростове-на-Дону под неменяемой тематикой «Государственность и право славянских народов»); м) *ориентационные поля уголовно-правовых знаний* (26 статей, нацеленных на поиск сочетаний и культурной роли в юридической науке мировоззрения, методологии, идеологии, политики и права); н) *ведомственная культура применения уголовного права* (16 статей о месте прокурорского надзора по уголовным делам в механизме государства, судебном контроле и прочих новых полномочиях суда, технике уголовного законодательства, правовом мониторинге в исполнении Министерства юстиции, связи культуры толкования с ограниченностью источников отраслевого преследования и т.д.); о) *новые «культурные» технологии противодействия преступности* (8 публикаций, в которых обосновываются и пропагандируются 2 новые стратегии уголовно-правового реагирования – гармония ответственности за бюджетные и налоговые преступления; введение пятой категории преступлений («исключительной тяжести»), ответственность за которые должна выражаться в отказе от применения любых форм уголовно-правового поощрения преступника); п) *культура как объект уголовно-правовой охраны* (с учётом преобладания научных исследований криминалистов именно по данному разделу автор ограничился всего 3 публикациями); р) *уголовное право в эпоху реформ* (11 статей об опасности увлечения глобализацией, иноземной социальной инженерией и тяжести отрезвления от них, очевидных издержек пресыщения юридизацией при забвении других нормативных систем, способах обеспечения гармонии между стабильностью и изменчивостью отраслевого законодательства, сопряжении социальной атомизации, нравственной анемии и юридической инфляции, прогнозе будущего уголовно-правовой доктрины); с) *экологическая проблематика современности и уголовное право* (3 статьи, среди которых выделяется публикация в научном журнале «Библиотека криминалиста» за 2012 год, где акцентируется внимание на утрате теорией правового государства уровня прима-идеи в силу плачевного состояния окружающей среды, ибо «потерявши голову – по волосам не плачут»)¹.

Вместо эпилога. Почти тридцать пять лет назад во время посещения нью-йоркского «The Metropolitan Museum of Art» автору «посчастливилось» лично наблюдать стадно-показушный (с победным поглядыванием на экскурсантов из других стран) экстаз южно-корейских туристов, неистово катающихся, а затем отрешённо лежащих на полу перед одним из вариантов «Чёрного квадрата» К. Малевича. Спаси и сохрани моих соплеменников от повторений подобного циркового катарсиса! С момента появления данной картины толпы искусствоведов прокармливаются возле неё, находя в ней множество цветовых оттенков и торжествуя от данного придуманного впечатления, а ещё увязывая «прямоугольник» с супрематизмом – новым и якобы непревзойдённым течением в искусстве, олицетворяющим дерзкий отказ от природных предметности и формы в угоду бесшабашному футуризму и авангардизму. Насчёт искусства и непревзойдённости «Чёрного квадрата» зело сомневаемся. Ведь если какую-то фигуру на прямоугольном полотне оклеить малярной лентой, то любой примат замажет внутреннее пространство краской (пусть лапой и другим цветом) и тем повторит фокус Малевича. Нам же представляется, что в данном случае Казимир Северинович употребил гениальный трюк, завуалированный намёк для потомков, насмешливо замаскировал прогноз предстоящего их поклонения перед продуктом его намеренного издевательства над искусством. Художник-то знал, что творит, ибо был осведомлён о нашем туземном восхищении любым импортом и любым разрывом с классикой. Причём только в крайней и бескомпромиссной форме, лишь бы покруче.

¹ В силу требований редакции к объёму статьи автор не имеет возможности представить подробнее все мыслимые фрагменты окультуривания уголовного права и отметить коллег по цеху, «отличившихся» значимыми публикациями и диссертациями по настоящей теме. Но выход в том, что список профильных трудов, студенческие презентации и другие письменные материалы Круглого стола доступны для читателей журнала и всех желающих по ссылке: <https://disk.yandex.ru/d/src2wfp1PPXzKA>.

Позже один из духовников русичей с горечью, но справедливо попеняет соотечественникам: «одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: это во всём доходить до крайностей, до пределов возможного... Хорошо это или плохо? Не берусь судить. Но что Россия благодаря этой своей черте всегда находилась на грани чрезвычайной опасности, – это вне всякого сомнения, как и то, что в России (никогда поэтому – А. Б.) не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем». И далее: «Стремление русских во всём достигать последнего предела надо... развивать по преимуществу в духовной области. Пусть будут у нас герои духа, подвижники, отдающие себя на служение больным, детям, бедным, другим народам, святые, наконец... Пусть безотчётное стремление отдавать всего себя какому-либо святому делу, что так отличало русских во все времена, снова займёт своё достойное место и отвлечёт русского человека от... преступности» [10, с. 279, 283].

Когда-то русский философ и религиозный мыслитель С. Л. Франк написал замечательную фразу о том, что цель государства не может заключаться «в создании рая на земле», ибо «оно бесцельно совершить это, но призвано предотвратить создание ада на земле». Предотвращение ада недостижимо безучастным ожиданием минимального результата, случающегося естественным порядком вещей, но может быть (быстрым и существенным) итогом самоотверженной деятельности, вдохновляемой высокими идеями и ментальным культурным фоном. И это **наше** (учёных и преподавателей) **поле деятельности**: в беседах с титулованными представителями этносов многонационального юга России автор позволяет заявлять, что в «обострении дружбы народов» и кричащих криминальных эксцессах прежде всего виноваты духовные учителя – священники и представители науки, те два образованных класса, на которые возложена культурная повинность сдерживать дремлющие страсти и агрессию (личностную и межплеменную), но не на политиков, буквально одержимых стремлением постоянно модернизировать страну под меняющиеся внешние и внутренние обстоятельства.

Отказываясь от шедевров собственной культуры, радостно подменяя классику крикливым авангардизмом, предпочитая широкозахватному дискурсу в отраслевой науке скоростные комментарии к блошиным поправкам в Уголовный кодекс, мы непременно будем прозябать в обозе мировой цивилизации. И самая совершенная уголовная ответственность этой жуткой перспективе не помешает.

Список источников

1. Шебаршин Л. Хроники безвременья. Заметки и афоризмы бывшего начальника разведки. М.: Редакция газеты «Трибуна»; В. Секачёв, 2000. 191 с.
2. Беляев В. Г. Уголовное право. Заметки доцента. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2003. 395 с.
3. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М.: Комакадемия, 1929. 126 с.
4. Смертная казнь: за и против / Под ред. С. Г. Келиной. М.: Юрид. лит., 1989. 528 с.
5. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII веков. М.: Юристъ, 1995. 288 с.
6. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 463 с.
7. Иванов Н. Г. Беседы о преступлении и наказании в пределах уголовного права и не только, умножающие скорбь (рефлексии профессора Иванова). М.: Юрлитинформ, 2018. 144 с.
8. Гринберг М. С. Уголовное право как феномен культуры // Известия вузов. Правоведение. 1992. № 2. С. 57–62.
9. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права: Монография / Под ред. А. В. Наумова. М.: Юристъ, 2002. 288 с.
10. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Из истории русской гуманистической мысли: Хрестоматия для учащихся ст. классов / [Сост. и авт. примеч. А. Ф. Малышевский и др.]. М.: Просвещение, 1993. 287 с.

References

1. Shebarshin L. *Chronicles of timelessness. Notes and aphorisms of the former chief of intelligence.* Moscow: Editorial office of the newspaper «Tribune»; V. Sekachev; 2000. 191 p. (In Russ.)
2. Belyaev V. G. *Criminal law. Notes of the associate professor.* Volgograd: VAGS Publishing House; 2003. 395 p. (In Russ.)
3. Pashukanis E. B. *General theory of law and Marxism.* Moscow: Komakademiya; 1929. 126 p. (In Russ.)
4. *Capital punishment: pros and cons* / Edited by S. G. Kelina. Moscow: Legal lit., 1989. 528 p. (In Russ.)
5. Rogov V. A. *History of criminal law, terror and repression in the Russian state of the XV-XVII centuries.* Moscow: Jurist; 1995. 288 p. (In Russ.)
6. Vyazemsky P. A. *Aesthetics and literary criticism.* Moscow: Iskusstvo; 1984. 463 p. (In Russ.)
7. Ivanov N. G. *Conversations about crime and punishment within the limits of criminal law and not only, multiplying grief (reflections of Professor Ivanov).* Moscow: Yurliinform; 2018. 144 p. (In Russ.)
8. Grinberg M. S. Criminal law as a phenomenon of culture. *Izvestiya vuzov. Jurisprudence.* 1992;(2):57–62. (In Russ.)
9. Kulygin V. V. *Ethnoculture of criminal law: Monograph.* Edited by A. V. Naumov (ed.). Moscow: Jurist; 2002. 288 p. (In Russ.)
10. Likhachev D. S. Russian Russians on the national character. In: *From the history of Russian humanistic thought: A textbook for students of art classes* / [Comp. and author's note by A. F. Malyshevsky et al.]. Moscow: Enlightenment; 1993. 287 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Бойко – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. I. Boiko – Doctor of Lawyer Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 26.05.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 09.06.2023.